

ЦЕРНОВОДЬЕ

A movie poster for the film 'Chernovodye'. The image features a man and a woman in a dark, moody setting. The woman, on the left, has long dark hair and is looking off to the side with a serious expression. The man, on the right, has a beard and is looking towards the camera. They are both wearing dark, rugged clothing. The background is dark and atmospheric, with a body of water in the foreground reflecting light. The title 'ЦЕРНОВОДЬЕ' is written in a large, stylized, metallic font at the top. At the bottom, the text '— Lika Nero —' is displayed.

— Lika Nero —

Lika Nero

Черноводье

<https://litres.ru/74663137>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухом посёлке Черноводье люди не любят говорить о Мёртвом озере. Здесь знают: некоторые тайны лучше оставлять на дне, а тех, кто пропал у воды, уже не вернуть.

Журналистка Виолетта Корсакова приезжает в заброшенный санаторий «Белый лебедь», чтобы расследовать череду загадочных исчезновений. Местные жители молчат, старые стены хранят чужие секреты, а единственный человек, готовый помочь ей, — учёный Данила Чернов, чья репутация давно разрушена.

Чем ближе Виолетта подбирается к разгадке, тем отчётливее понимает: исчезновения связаны не просто с озером. За туманом скрывается нечто, что знает о людях слишком много. Оно помнит их поступки, слышит их страхи и умеет находить самое больное место.

А потом из темноты раздаётся шёпот: «Ты ведь тоже виновата».

Чтобы раскрыть тайну Черноводья, Виолетте придётся столкнуться не только с тем, что прячется в глубине, но и с тем, от чего она сама пыталась убежать.

Содержание

Глава 1: «Призрачный репортаж»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Lika Nero

Черноводье

Глава 1: «Призрачный репортаж»

Холодный осенний дождь, не прекращавшийся с самого утра, яростно хлестал по запотевшим стеклам такси, за которыми простирался унылый пейзаж – размытая акварель из серого неба, бесконечного леса и раскисшей от влаги земли. Прижавшись лбом к холодному стеклу, Виолетта Корсакова безучастно наблюдала за мелькавшими за окном чахлыми соснами, чьи темные силуэты напоминали бесчисленные иглы, воткнутые в бледное тело небес. Устало скрыв зевок в ладони, она наконец нарушила тягучую тишину, не отрывая взгляда от угнетающей полосы леса. – Приблизительно сколько ещё осталось ехать?

Таксист, потный мужчина с пальцами, пожелтевшими от многолетнего соседства с никотином, хрипло рассмеялся, бросив на неё оценивающий и неприятный взгляд через зеркало заднего вида. – До Черноводья? Если эту размытую глиной дорогу вообще можно так назвать, минут сорок, не меньше. А вам, барышня, чего в таких гиблых местах надобится? Места тут, скажу я вам, нехорошие, не для курортников.

Скептически усмехнувшись, Виолетта достала из сумочки

сигарету, чувствуя, как её раздражает его настойчивый тон. – Обычная пиар-акция. «Посетите наш чудесный санаторий и зарядитесь уникальной болотной энергетикой». – Она намеренно говорила легкомысленно, стараясь скрыть настоящую причину своего визита – журналистское расследование серии загадочных исчезновений.

Лицо водителя внезапно помрачнело, и его голос стал серьёзным, почти наставительным. – Зря вы так шутите. Места тут и впрямь нездоровые, люди пропадают. Говорят, болотная невеста по ночам бродит.

С наслаждением затянувшись и выпустив струйку дыма в прокуренный салон, Виолетта парировала с деланной небрежностью: – Именно поэтому я сюда и еду. Исчезновения – моя профессиональная специализация.

Спустя два часа, преодолевая ухабы размытой дороги, такси наконец вывезло её к месту назначения. Санаторий «Белый Лебедь», вопреки своему поэтичному названию, оказался мрачным трёхэтажным зданием с облупившейся грязно-серой штукатуркой и пустыми глазницами окон, нависавшими над заросшим двором. Стоя перед входом и чувствуя, как ледяной ветер пробирается под воротник пальто, Виолетта с презрением пробормотала про себя, намеренно громко хрустя гравием под каблуками: – Ну и дыра...

Внезапно за её спиной раздался отчётливый скрип, и она резко обернулась, инстинктивно сжимая в кармане ключи, готовые превратиться в оружие.

На крыльце, в тени от козырька, стоял высокий мужчина в потертом свитере, с небритым подбородком и глазами холодными, как болотная вода, в которых читалось немое презрение. – Корсакова? – Его голос был низким, с заметной хрипотцой, будто его владелец давно разучился разговаривать с людьми.

Пытаясь сохранить маску равнодушия, Виолетта парировала: – Допустим. А вы, надо полагать, мой гостеприимный хозяин?

Сделав шаг вперед, он вынудил её невольно отступить; от него пахло сыростью, дешёвым кофе и чем-то ещё – едким, химическим. – Тогда вам определённо не повезло. – Почти не глядя, он бросил ей под ноги связку старомодных ключей. – Ваш номер – тринадцатый, на втором этаже. Постарайтесь не шуметь по ночам. Легко возбудимые соседи. – Он иронично кивнул в сторону тёмного леса.

Хмурясь от его манер, Виолетта резко спросила:

– А с каких пор хозяева заставляют гостей подбирать ключи с полу? И на каком основании вы вообще раздаете мне указания?

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки, лишённой всякой теплоты.

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки, лишённой всякой теплоты. – Данила Чернов. Тот самый «лжеученый», карьере которого вы так старательно похоронили в своей желтой газетенке, даже не удосужившись встретиться и выслу-

шать мою сторону.

Её сердце неприятно и тяжело сжалось от осознания встречи с главным объектом её прошлой разгромной статьи. Вот чёрт, – промелькнуло в голове. Пытаясь сохранить лицо, она язвительно улыбнулась: – О, значит, вы здесь... что, призраков изучаете?

Чернов внезапно наклонился так близко, что она почувствовала его прерывистое дыхание на своей щеке, и тихо, почти по-свойски, прошипел: – Нет. Я изучаю, как такие, как вы, циничные неверующие, начинают дрожать от страха и верить в то, во что сами же и высмеивали.

Не дав ей опомниться, он резко развернулся и ушёл в здание, оставив её одну под нависающими стенами санатория, в которых, казалось, затаилась многовековая тоска.

Номер, пахнувший пылью, сыростью и старостью, оказался крошечным: промозглые, отсыревшие стены, скрипучая кровать, издававшая звук при малейшем движении, и продавленное кресло с вылезшей из подлокотника пружиной. Бросив сумку на протёртое одеяло, Виолетта первым делом прошла по комнате, проверяя, что здесь хоть что-то работает. Кран натужно загудел и выплюнул ржавую воду, прежде чем потечь нормально. Радиатор под окном был чуть тёплым – не горячим, а именно чуть тёплым, словно здание само нехотя отдавало остатки тепла. Над кроватью висела картина в тяжёлой раме – тёмный пейзаж с озером и одинокой ивой, – и Виолетта машинально отметила, что стекло под слоем

пыли покрыто мелкими трещинами, как паутиной.

Она достала из сумки ноутбук, блокнот, диктофон и разложила всё на шатком столике у окна, пытаясь создать остров привычного порядка в этом чужом, пропахшем затхлостью месте. За стеклом клубился непроглядный молочно-белый туман, медленно ползущий от болота, и в его пелене не было видно ни зги – только смутные, размытые силуэты со-сен.

Виолетта включила ноутбук, но интернет не поймался – ни вай-фая, ни мобильной сети, только значок с перечёркнутой антенной. Она вздохнула, записала в блокнот: «Связи нет. Уточнить у администрации». Потом достала из сумки пачку сигарет, вспомнила, что в номере курить наверняка нельзя, и с досадой убрала обратно.

Спустившись в холл, она застала за стойкой немолодую женщину с усталым лицом и очками на цепочке – та заполняла какие-то бумаги, близоруко склонившись над столом.

– Простите, – Виолетта постаралась улыбнуться как можно приветливее. – Я в тринадцатом номере. Корсакова. У меня интернет не ловит.

Женщина подняла на неё глаза, и в них промелькнуло что-то странное – то ли жалость, то ли настороженность, – прежде чем она натянуто улыбнулась в ответ:

– У нас тут со связью плохо, милая. Лес, болото. Проводной телефон на стойке – если что срочное, можно позвонить. А так... – она развела руками. – Привыкайте. Отдыхайте, гу-

ляйте. Воздух у нас знаете какой целебный.

– Целебный, – эхом повторила Виолетта, вспомнив запах тины, которым тянуло от озера. – А давно у вас тут... санаторий?

– Давно, – женщина снова склонилась над бумагами, явно не желая продолжать разговор. – С сорок восьмого года. Раньше тут дом отдыха был, потом санаторий сделали. Только народу всё меньше, – она вздохнула. – Времена не те.

– А люди? – Виолетта не собиралась отступить. – Много сейчас отдыхающих?

– Да сколько... – женщина замялась, перебирая бумаги. – Человек десять наберётся. Может, меньше. Кто приезжает – тот в основном тихий, лечится, гуляет. Вы бы тоже гуляли побольше. И к озеру близко не подходили, – добавила она вдруг, и голос её стал жёстче. – Там берег зыбкий, того и гляди провалишься. Таблички мы, конечно, поставили, но вы, городские, разве ж таблички читаете.

– А что, были случаи? – Виолетта подалась вперёд, и блокнот в её руке сам собой раскрылся.

Женщина посмотрела на неё долгим, оценивающим взглядом, будто решая, стоит ли говорить. Потом покачала головой:

– Не было никаких случаев. Я вам как женщина говорю: не ходите к озеру, и всё тут. – И, помолчав, добавила тише, почти неслышно: – А то ведь оно, озеро-то, оно завсегда кого-нибудь ждёт.

В столовой, куда Виолетта зашла ближе к ужину, пахло варёной картошкой, подгоревшим маслом и хлоркой. Помещение было большим и полупустым: за длинными столами с клеёнкой сидели трое – пожилой мужчина в вязаной жилетке, который медленно, сосредоточенно жевал, глядя в тарелку, женщина лет пятидесяти с усталым лицом и книгой в руках, и парень неопределённого возраста в очках, что-то чертивший в блокноте.

Виолетта взяла поднос с серой, безвкусно пахнущей котлетой, гречкой и компотом из сушёных яблок и села за свободный стол у окна. Но далеко сидеть не пришлось – женщина с книгой, завидев новое лицо, тут же поднялась и под села к ней, держа свою тарелку наперевес.

– Вы новенькая, да? – она улыбнулась широко и просто, и в этой улыбке не было ни капли настороженности. – Я Валентина. Второй раз тут отдыхаю. Муж настоял, говорит, сердце надо подлечить. А мне кажется, это он меня подлечить хочет, чтоб дома под ногами не путалась, – она рассмеялась собственной шутке. – А вы?

– Виолетта, – представилась она, решив пока не распространяться о причинах визита. – Первый раз здесь. Приехала... отдохнуть.

– Отдохнуть! – Валентина понимающе кивнула. – Это правильно. Только вы особо не расслабляйтесь. Тут, знаете, место такое... – она понизила голос и оглянулась. – Странное.

– В смысле? – Виолетта отложила вилку.

– Да в прямом, – Валентина пожала плечами. – Я в прошлый раз приезжала, так у нас мужчина один пропал. Николай Семёнович, из Саратова. Тихий такой, вежливый, всё про рыбалку рассказывал. А потом раз – и нет его. Утром не пришёл на завтрак. И вещи в номере на месте, и куртка, и удочки. Только его самого нет. – Она перекрестилась. – Искали, конечно. Милицию вызывали. А что милиция? Говорят, уехал, не попрощавшись. Только куда уехал, если вещи на месте?

– И что потом? – Виолетта старалась дышать ровно, но сердце уже стучало быстрее.

– А ничего, – Валентина развела руками. – Так и не нашли. А через полгода – я уже дома была – мне знакомая здешняя написала, что ещё один пропал. Женщина. Из Воронежа. Тоже вот так – вещи на месте, а её нет. И знаете, что странно? – она наклонилась ближе, почти шёпотом. – Обе эти женщины, и Николай Семёнович, – они все перед тем, как пропасть, к озеру ходили. Каждое утро. Как на работу.

Виолетта почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она машинально достала блокнот, но Валентина вдруг напугалась:

– А вы... вы почему про это спрашиваете? Вы никак из газеты?

– Нет, что вы, – Виолетта выдавила улыбку. – Просто интересно. Я вообще-то журналист, но сейчас в отпуске. Профессиональное любопытство, извините.

– А, – Валентина заметно расслабилась. – Ну и правильно. А то я думаю, чего это вы всё записываете. Журналисты они же... – она неопределённо махнула рукой. – В общем, вы это, к озеру не ходите. И вещи в номере не оставляйте без присмотра. Тут горничная, Зинаида, она хорошая, но всё равно. Мало ли.

После ужина Виолетта прошлась по коридорам санатория. Здание жило тихой, вялой жизнью: где-то за стеной бормотал телевизор, кто-то кашлял, скрипели половицы под неторопливыми шагами. На втором этаже она столкнулась с тем самым парнем в очках – он стоял у окна и смотрел на улицу, и в его отражении на тёмном стекле Виолетта увидела, как он улыбается чему-то своему.

– Добрый вечер, – сказала она, проходя мимо.

– Ага, – он кивнул, не оборачиваясь. – Вечер добрый.

Она уже почти дошла до своей двери, когда он вдруг окликнул её:

– Эй. Вы же в тринадцатом?

Виолетта обернулась:

– Да. А что?

Парень помолчал, потом пожал плечами:

– Ничего. Просто... – он поправил очки. – Если ночью что-то услышите – не открывайте. Ладно?

– Что услышу?

Но он уже отвернулся к окну и больше не сказал ни слова. Вернувшись в номер, Виолетта первым делом проверила

замок на двери – дважды, потом ещё раз, для верности. Задвижка была старая, расшатанная, но держалась. Она подперла дверь стулом – не потому, что верила в призраков, а потому что не верила людям, – и только после этого позволила себе выдохнуть.

В комнате было холодно. Радиатор под окном едва тёплый, а из щелей в оконной раме тянуло сквозняком, от которого занавеска едва заметно шевелилась, хотя форточка была закрыта. Виолетта поёжилась, достала из сумки тёплый свитер и натянула его поверх пижамы, чувствуя себя немного нелепо – взрослая женщина, журналист, подпирает дверь стулом и кутается, как испуганный ребёнок.

Она включила настольную лампу – тусклую, с пожелтевшим абажуром, – и свет выхватил из темноты привычные уже предметы: продавленное кресло, шаткий столик с ноутбуком, картину с озером над кроватью. Виолетта села на край кровати, пружины жалобно скрипнули, и принялась листать блокнот, перечитывая записанное за день. «Связи нет. Уточнить у администрации». «Санаторий с 1948 года, раньше – дом отдыха». «Пропавшие: Николай Семёнович (Саратов), женщина из Воронежа. Оба ходили к озеру каждое утро». «Парень в очках: "Не открывайте, если услышите"». Она обвела последнюю строчку кружком и подчеркнула дважды.

Потом достала диктофон, нажала запись и тихо, почти шёпотом, чтобы не разбудить соседей за стеной, проговорила:

– День первый. Санаторий «Белый Лебедь». Официальная версия – десять отдыхающих, на деле – меньше. Персонал уклончив. Постоялица Валентина упомянула как минимум двух пропавших за последние полгода, оба перед исчезновением регулярно ходили к озеру. Администратор отрицает «случаи», но предупреждает не подходить к воде. Парень в очках – имя не назвал – предупредил о ночных звуках. В номере тринадцать – сырость, сквозняк, замок ненадёжный. Пока ничего сверхъестественного. Только люди, которые боятся говорить.

Она выключила диктофон и отложила его в сторону. За окном туман стал ещё гуще, и в его белой пелене угадывались смутные, размытые очертания – то ли деревья, то ли что-то ещё. Виолетта задернула штору, но неплотно – оставила узкую щель, чтобы видеть, что происходит снаружи. Сама не смогла бы объяснить, зачем ей это.

Потом умылась в ванной, где вода из крана шла ржавая и пахла железом, почистила зубы и забралась под одеяло, не снимая свитера. Одеяло было тяжёлым, шерстяным, с запахом нафталина, и пахло так, будто его достали с дальней полки и не проветрили. Виолетта поворочалась, устраиваясь, подоткнула подушку – плоскую, с комками наполнителя, – и уставилась в потолок, где в свете уличного фонаря плясали смутные тени.

Сон не шёл. В голове крутились обрывки дневных разговоров, лица, слова. Валентина с её историей про Николая Се-

мёновича, у которого остались удочки. Администраторша с её «оно завсегда кого-нибудь ждёт». Парень в очках, который так и не назвал своё имя и так и не объяснил, что именно она может услышать ночью. И Чернов – с его холодными глазами и фразой про «научный полигон», брошенной с такой уверенностью, будто он знал что-то, чего не знала она.

Виолетта перевернулась на бок, потом на другой. За стеной кто-то кашлял – глухо, надсадно, – и этот звук, обычный, человеческий, немного успокаивал. В конце концов, она просто устала. Дорога, переезд, весь этот день в незнакомом месте, где каждый взгляд кажется оценивающим, а каждый разговор – с двойным дном. Усталость взяла своё, и она почувствовала, как тело тяжелеет, а мысли начинают путаться, расползаться, терять чёткость.

Последняя мысль, которая мелькнула у неё в голове, прежде чем она провалилась в сон, была простой и почти успокаивающей: «Завтра. Завтра я всё выясню. Начну с озера».

Она не заметила, как шторы на окне сами собой колыхнулись – едва-едва, будто от сквозняка, – и как в щели между ними на секунду мелькнул бледный силуэт. Не заметила, как на тумбочке у кровати диктофон, выключенный, вдруг тихо щёлкнул и загорелся красным глазком записи. Не заметила, как в комнате стало холоднее – настолько холоднее, что изо рта пошёл пар, а на стекле изнутри проступил влажный след,

будто кто-то прижался к нему ладонью.

Она просто спала. И впервые за долгое время ей снилось что-то спокойное – летний день, река, смех где-то вдалеке. А потом этот смех превратился в плач. Женский. Тонкий, над-рывный, доносящийся откуда-то из глубины, из-под воды.

Виолетта проснулась посреди ночи от навязчивого и от-чётливого звука царапанья – будто кто-то снаружи скребёт-ся длинными ногтями в деревянную дверь, пытаясь до неё добраться.

Она замерла в полной тишине, прислушиваясь к соб-ственному стучащему сердцу. Комната была погружена в темноту, только за окном всё так же клубился молочно-бе-лый туман, и в его призрачном свете предметы казались чу-жими и незнакомыми.

– Кто там? – дрогнувшим голосом окликнула она.

В ответ наступила гнетущая тишина, которая вскоре была нарушена едва слышным, идущим будто из-под двери шёпо-том, от которого кровь стыла в жилах:

– Ты ведь тоже виновата...

Вскочив с кровати и схватив со стола перочинный нож, она подбежала к двери, которая, к её облегчению, всё ещё была заперта. Но на полу, прямо перед деревянным порогом, растеклась лужа тёмной, почти чёрной воды, от которой тя-нуло запахом гнили и тины. И от этой лужи вглубь тёмного коридора вели чёткие следы босых ног, ещё мокрые и отчёт-ливые, будто кто-то только что вышел из её комнаты.

Виолетта присела на корточки, вглядываясь в следы. Они были маленькими – женскими. И, что самое страшное, они начинались не от двери, а от её кровати. Она медленно обернулась, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. На смятых простынях, там, где она только что спала, темнело влажное пятно, повторяющее очертания человеческого тела. Кто-то лежал рядом с ней. Всю ночь.

До утра Виолетта просидела в кресле у окна, не выпуская нож из рук и вслушиваясь в каждый шорох. Туман за стеклом медленно, вязко шевелился, и один раз ей показалось, что в его глубине мелькнул бледный силуэт – женский, в длинном платье. Но когда она приникла к стеклу, там уже ничего не было. Только туман. Только бесконечный, молочно-белый туман.

Утром, с тёмными тенями под глазами, Виолетта спустилась в полупустую столовую, где за единственным занятым столом сидел Чернов, не глядя на неё и медленно потягивая густой кофе. Она хотела пройти мимо, но ноги сами понесли её к его столу – ей нужно было понять, что происходит, и он был единственным, кто, казалось, знал хоть что-то.

– Приснился плохой сон? – спросил он, не поднимая глаз от своей кружки.

Она сжала свою кружку так сильно, что костяшки пальцев побелели, а в глазах вспыхнул гнев:

– Вы что, подслушивали под дверь?

Наконец подняв на неё холодный взгляд, он покачал го-

ловой:

– Нет. Просто все, кто спит в тринадцатом номере, по какой-то необъяснимой причине видят одно и то же. Добро пожаловать в Черноводье, Корсакова. Добро пожаловать в мой научный полигон.

Он отодвинул стул и встал, собираясь уходить, но Виолетта схватила его за рукав:

– Подождите. – Она сама не ожидала от себя этого жеста. – Что вы знаете о тех, кто пропал? Семеро за три года. Это ведь не совпадение.

Чернов замер. Медленно, очень медленно он повернулся к ней, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на удивление – и настороженность.

– Семеро, – повторил он тихо, почти шёпотом. – Откуда вы знаете про семерых?

– Я умею считать, – огрызнулась она. – И умею читать архивы. В отличие от некоторых, я не верю в сказки про болотных невест. Я верю в людей. И в то, что за каждым исчезновением стоит конкретный человек с конкретным мотивом.

Чернов долго смотрел на неё, словно взвешивая что-то про себя. Потом сел обратно, жестом указав ей на стул напротив:

– Сядьте. И слушайте внимательно, потому что я скажу это только один раз. Вы ищете человека? – Он наклонился вперёд. – А что, если я скажу вам, что люди здесь пропадают не потому, что кто-то их убивает. А потому, что они сами

уходят. Уходят в воду. Добровольно. И делают это те, кому есть что скрывать.

– То есть вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что ваша теория про «конкретного человека с конкретным мотивом» верна лишь наполовину. Мотив есть. Только он не у одного человека. Он у целого места. И это место умеет ждать.

Он откинулся на спинку стула и замолчал, давая ей переварить сказанное. Виолетта смотрела на него, пытаясь понять, где заканчивается правда и начинается его личная одержимость, которую она сама же когда-то высмеяла в своей статье. У неё всё ещё дрожали руки после бессонной ночи, и она держала кружку с кофе обеими ладонями, чтобы это было незаметно.

– Хорошо, – медленно произнесла она. – Допустим. Но у меня есть встречный вопрос. Почему вы мне это рассказываете? Год назад вы бы с удовольствием меня утопили в этом самом озере.

Чернов усмехнулся – впервые за всё время без холода, почти устало:

– Потому что вы – единственная, кто приехал сюда не молиться на «целебную энергетику» и не лечить нервы. Вы задаёте вопросы. И, судя по вашему блокноту, уже что-то раскопали. – Он кивнул на её записи. – Мне нужен человек, который умеет копать. И у которого хватит упрямства не сбегать после первой же ночи.

– А если я сбегу?

– Тогда я хотя бы буду знать, что был прав насчёт вас.

Он встал и, не прощаясь, направился к выходу из столовой. У двери обернулся:

– Сегодня в два часа дня. Лаборатория – хижина на сваях у восточного края болота. Дорогу найдёте, тут все дороги ведут к озеру. И наденьте что-нибудь непромокаемое.

До двух часов оставалось ещё много времени, и Виолетта решила потратить его с толком – не на пустые расспросы, а на наблюдение. Ночное происшествие не шло из головы: мокрые следы, пятно на простынях, шёпот из-под двери. Она гнала от себя мысль о том, что это могло быть реальностью, и цеплялась за рациональные объяснения – сквозняк, конденсат, старые трубы, разыгравшееся воображение. Но руки всё равно дрожали, когда она переодевалась.

Она вышла на улицу. День был серый, но сухой, и это уже казалось удачей. За главным корпусом обнаружилась старая, заросшая травой площадка с качелями – ржавыми, скрипящими, но, судя по протоптанной дорожке, всё ещё используемыми. На скамейке у веранды сидел тот самый пожилой мужчина в вязаной жилетке, что вчера ужинал в одиночестве, и кормил голубей, хотя голубей не было видно – он просто бросал крошки на землю и смотрел, как они падают.

– Доброе утро, – сказала Виолетта, присаживаясь на край скамейки.

– Доброе, коли не шутишь, – отозвался он, не поднимая

глаз.

– Вы давно здесь отдыхаете?

– Давно, – он бросил ещё горсть крошек. – Третий год подряд. Жена моя здесь лечилась. Сердце. – Он помолчал. – Померла она. А я всё езжу. Привык.

– Соболезную, – тихо сказала Виолетта.

– Чего уж, – он пожал плечами. – Тут спокойно. Тихо. Только вот... – он вдруг запнулся и покосился на неё. – Вы ведь в тринадцатом живёте?

– Да.

Старик поджал губы и долго молчал, прежде чем заговорить снова:

– В прошлом году там женщина жила. Из Воронежа. Хорошая такая, тихая. Всё по утрам к озеру ходила. Говорила, вода целебная, пьёт по стакану. – Он усмехнулся. – Ну и допилась.

– Что с ней случилось?

– А ничего, – старик бросил последнюю горсть крошек и отряхнул руки. – Ушла. Ночью. Вещи оставила, деньги в тумбочке, паспорт. Только её и видели. – Он посмотрел на Виолетту внимательно, почти строго. – Вы это, милая. К озеру не ходите. И ночью дверь запирайте. Тут двери-то... – он махнул рукой. – Тут двери не всегда помогают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.